

Герман ЛУКОМНИКОВ

ДРУЗЬЯ-ВРАГИ

**Беседа с Максимом Якубсоном 28 августа 2021 года
с позднейшим письменным дополнением**

К выходу книги: Бредаисты Санкт-Петербурга: Дима Тимченко и Саша Попова

В «Волге» № 7–8 за прошлый год была опубликована пьеса Саши Попова «Придверие», написанная в 1980-е годы. Во вступлении публикатора, Германа Лукомникова, говорилось: «Мы с Максимом Якубсоном готовим книгу о юродивых питерского андеграунда 1970-х – 90-х годов – Саше Попове и Диме Тимченко, куда войдут и их собственные тексты, и воспоминания о них. Книга выйдет в издательстве Des Esseintes Press (Московская школа нового кино, ММУ)».

Книга пока не вышла, но ее выход ожидается. Публикуем еще одну ее часть: устные мемуары Лукомникова о Попове и Тимченко в виде его беседы с Якубсоном и дополнения к ней.

Герман Лукомников: Я обещал рассказать, что с ходу вспомнится, пусть даже в форме бесвязного монолога, про Диму Тимченко и Сашу Попова. Попытаюсь. Хотя это очень трудно. Трудно потому, что не очень понятно, как про них рассказывать. Все сказанное о них будет намного бледнее личного с ними знакомства!

Оба они, как ты знаешь, были замечательными литераторами. Дима писал стихи. Талантливые. Саша вообще был, я считаю, крупным писателем. Он писал пьесы. Он себя так чаще всего и позиционировал – как драматурга. Стихи у него тоже очень интересные. На мой вкус, самое интересное у него – это записи наподобие эссе.

Эта его проза или эссеистика, так же как и его стихи, существовала почти исключительно в самиздате, в его собственном «самсебяиздате», по выражению Глазкова. С пьесами как-то было странно. К ним был интерес. Их пытались ставить, иногда даже удавалось, но как-то ненадолго. Чаще всего не удавалось по каким-то непонятным причинам.

Я к тому клоню, что Саша, хотя его до сих пор почти никто знает, был, я считаю, крупным писателем. Он, кстати, иногда шутливо называл себя ВПЗР – «великий писатель земли русской». А Дима писал любопытные стихи, но все-таки как поэт он, мне кажется, не реализовался. Может быть, поэтому он не то чтобы совсем бросил, он возвращался к стихотворчеству, но все-таки, насколько я понимаю, период, когда он активно занимался поэзией, был не слишком долгим. Во всяком случае, Дима никогда, на моей памяти, не представлялся поэтом. И вообще о том, что он писал стихи, и интересные, и их довольно много сохранилось, я узнал, только когда его не стало.

Самое феноменальное в них обоих были не их тексты, а они сами. И про каждого из них можно сказать: человек-театр, человек-перформанс, человек-представление, человек как произведение искусства, которое он сам создал. Они оба были прежде всего философами действия, как Диоген Синопский.

Это впечатление, конечно, можно было получить только в непосредственном с ними общении. Мне посчастливилось быть знакомым с ними, даже дружить с обоими. Очень сложно описать впечатление от общения с такими людьми. Каждый – явление, произведение искусства в каждом жесте, слове, движении. Это были удивительные люди.

Очень жаль, конечно, что в этом отношении от них почти ничего не сохранилось. В те времена не было такой культуры фиксирования всего, как сейчас. Сегодня у всех смартфоны, все всё снимают, записывают. По счастью, сохранились их фотографии, но, насколько мне известно, аудио- или видеозаписей почти нет. Очень мало, клочки, обрывки.

Максим Якубсон: Такого рода человек оставляет след, и этот след хранится в другом, к чему-то его приводит. Но давай сейчас не будем пытаться охватить всё или смотреть как бы сверху. Давай просто войдем в ту встречу, не обязательно первую, но в то, что было реально, что ты помнишь. Оживи какую-то последовательность действий Сашиных или Диминых. Попробуй воспроизвести несколько таких цепочек и сюжетов.

Г. Л.: Мне проще с начала начать. Надо подумать... Кажется, это была осень 1985 года. Я зашел в гости к своей приятельнице, художнице Тане Деткиной. В то время она жила в районе метро «Семеновская».

Я был дико уставший, как-то очень тяжело сложился день, я очень много ходил. Вечером зашел к Тане, и у меня чудовищно болели ноги. При моем плоскостопии так вышло, что я весь день ходил, сейчас уже не помню куда, зачем, почему, но так получилось. Когда вышел из метро по направлению к Тане, еле ковылял, а надо было выдержать еще последний участок пути, идти там минут десять. Ноги гудели страшно.

Наконец, дошел. Таня мне открыла, я прошел в ее комнату в коммуналке, присел на стул, и вдруг в эту комнату влетел даже не сказать что человек – какое-то существо, дух, похожий, скорее, на какого-то персонажа из сказок – то ли водяной, то ли домовый?

Он ворвался с тазиком в руках. Нет, таз был большой. Полный воды. Удивительно, как он его не расплескал. Он подскокил ко мне и поставил под ноги этот таз. Как он узнал, почувствовал, что у меня так сильно болели ноги от усталости? Я сунул ноги в горячую воду, и мне стало блаженно хорошо.

Это был Дима Тимченко. Возясь со мной, он что-то говорил, а я почти ничего не мог понять. Может, от усталости? Нет, он говорил на каком-то птичьем языке – вроде всё по-русски, но почти ничего не понятно – и в то же время страшно увлекательно. Бывает неинтересный бред, а Димин был интересный. Интересно было его слушать, пытаться понять и... не понимать.

Он что-то бормотал, приговаривал, и сразу же в этих первых его репликах, таинственных и невнятных, несколько раз промелькнуло имя «Саша Попов». О самом Диме Тимченко я к тому времени немного уже слышал от Тани Деткиной.

Я помню, что Дима цитировал какие-то Сашины высказывания, с чем-то соглашался, с чем-то спорил. Он говорил: «Как сказал Саша Попов...», «Саша Попов сказал то-то и то-то...» Дальше шли какие-то афоризмы, которых я не помню, и затем Дима в своей особенной манере птичьего языка совершенно туманно то ли соглашался, то ли спорил с Сашиними высказываниями, но он их несколько раз цитировал. С таким видом, как будто они и их автор – это что-то само собой разумеющееся, общезначимое, что-то вроде Экклезиаста или нищевского Заратустры. Так что мне это совершенно обычное сочетание имени и фамилии почему-то сразу запомнилось.

Тогда я про Сашу Попова услышал впервые. А Диму увидел впервые. Лишь слышал о нем перед этим от Тани, что есть такой удивительный у нее приятель в Питере. Так я познакомился с Димой.

Таня мне много рассказывала про Диму, и мы изумленно с ней обсуждали явление этого человека. Дима у нее в те времена останавливался в Москве, жил у нее по несколько дней или недель. Потом мы делились с ней впечатлениями. Я был просто потрясен этим знакомством.

Не знаю, как это выразить, но что-то такое было и в Диме, и в Саше... Притом что они люди были совершенно разные, во многом противоположные, друзья-враги. Но в каждом из них было что-то такое, что сама встреча с ними открывала окно в какой-то другой мир, который вроде рядом, но обыкновенно не виден. Позволяла взглянуть на все окружающее совершенно другим, свежим взглядом. Как в стихах Блока: «...на ноже карманном найди пылинку дальних стран, и мир опять предстанет странным, закутанным в цветной туман».

Как будто вся будничность, прозаичность исчезали в их присутствии. Надо сказать, что хотя это было радостное ощущение, но не то чтобы однозначно приятное, в этом всегда было и какое-то напряжение. Рядом с ними я, да и не только я, наверно, а все люди, которые с ними достаточно близко соприкасались, испытывали это напряжение.

М. Я.: Напряжение – это естественно. Такие вещи не берутся из воздуха.

Г. Л.: Да. Ты вдруг оказываешься в каких-то джунглях. Знакомый мир превращается в незнакомый. В этом была и радость открытия, и какой-то страх. Какой-то непрерывный «театр жестокости», по выражению Антонена Арто, причем не на сцене, а в самой жизни. Из-за этого ни я, ни другие, почти никто не мог общаться с ними подолгу. Но они и сами к этому не стремились. Как правило, наше общение ограничивалось несколькими днями, иногда часами, максимум парой недель.

Интересно, что хотя услышал я про Сашу именно от Димы, но познакомился с ним не через Диму. Как я говорил, Диму я впервые увидел осенью 1985, а Сашу, я думаю, весной или летом 86-го. С Димой я познакомился в Москве, а с Сашей – в Питере.

Я тогда часто ездил в Питер. Хорошее настроение – в Питер, плохое настроение – в Питер... В тот раз мы поехали с моим другом Андреем Галкиным. Крутились около «Сайгона». Я не уверен, что у меня тогда были под рукой Димины координаты. Кажется, встреча с Димой на тот момент еще была единственной – во время нашего знакомства у Тани.

М. Я.: В ту встречу, кроме тастика, в который ты окунул ноги, помыть тебе он их не предлагал?

Г. Л.: Нет.

М. Я.: Больше ты никаких деталей не помнишь?

Г. Л.: Именно той встречи? Деталей не помню, но я помню одну очень стрёмную деталь тогдашнего Диминого проживания у Тани, свидетелем которой я не был, но которая мне от Тани известна. Не знаю, будет ли уместно об этом говорить в публикации, но, если тебе любопытно, могу рассказать.

Таня жила в коммуналке с соседкой в другой комнате. Это была пожилая женщина, очень сварливая, которая Таню терпеть не могла и постоянно третировала, не давала ей никакого житья. Когда Дима на какое-то время, на неделю или дней на десять, поселился у Тани, приехав из Питера, он начал, как Карлсон фрекен Бок, «курошать» соседку. Она очень возмущалась его присутствием.

Но однажды после каких-то с ее стороны скандалов – мол, теперь, с появлением этого странного человека, всё не то и не так... Ну, скажем, кусок мыла не справа лежит, а слева на раковине. Так вот, однажды она заходит вечером на кухню, а там Дима в эту самую раковину писает. Она испытала такой шок, что больше у нее никаких претензий ни к Диме, ни к Тане даже после Диминого отъезда уже не было.

Так Дима радикально решил проблему соседки и всяких бытовых мелочей, к которым она придиралась. По сравнению с этим всё было мелочью. Она их действительно увидела как мелочи.

М. Я.: Большое видится на расстоянии.

Г. Л.: В данном случае – как раз малое. Это мне известно от Тани, она со смехом мне об этом рассказывала.

Еще мне помнится, она рассказала, что когда она ночевала у Димы в гостях в Питере, там была какая-то Диминая подруга, актриса. Как ты знаешь, Дима в молодости участвовал в каких-то театральных постановках. И вот это была его старая знакомая еще по театральным временам...

М. Я.: Там были Нина и Симона из людей, которые оставались в театре. Симона Строганова и Нина Евдокимова.

Г. Л.: Не помню, к сожалению. Таня мне говорила, что Дима с этой театральной подругой тоже беседовал исключительно на таком своем почти непонятном птичьим языке. Которому, кстати, Таня дала какое-то очень интересное и точное определение. Диминой особенностью было не от-

вечать прямо на вопрос, но всегда давать косвенный ответ. Он всякий вопрос и тему очерчивал какой-то канвой высказываний вокруг, по периметру, и ответ прятался где-то внутри. Помню, что она это как-то изящно формулировала.

Так вот, Таня говорила, что как-то в Питере при ней Дима общался на том же птичьем языке со своей старой театральной подругой и она ему отвечала в подобном шаманском стиле. А потом, когда в какой-то момент Таня уже ночью, проснувшись, ненадолго вышла из комнаты, она зашла на кухню и случайно подслушала кусочек их разговора – и изумилась, что они говорили по-человечески между собой! Все было понятно. Но как только они заметили ее, опять мгновенно будто бы надели клоунские маски и перескочили на птичий.

Это со слов Тани. Хотя в течение многолетней дружбы с Димой и многократного общения с ним и в Москве, и в Питере мне так и не повезло быть свидетелем чего-то подобного – перескока его на обычный язык. При мне он всегда разговаривал заумью, и трудно было заподозрить, что он умеет как-то иначе.

Я хотел рассказать о знакомстве с Сашей Поповым. Как я уже говорил, мы в Питере с моим другом Андреем Галкиным болтались у «Сайгона». Это был 1986 год, весна или лето. Диминых координат у нас тогда не было. А ведь Дима, как я позже узнал, жил прямо напротив «Сайгона», через Невский. Но в тот момент мы этого не знали.

Помню, что мы с Андреем неприкаянно толклись у «Сайгона», иногда заходя внутрь выпить по чашке кофе. Знакомых никаких нет, податься некуда.

Мы уныло стояли на улице, слева от двери в «Сайгон», у большого окна, и к нам вдруг подошел человек и как-то с полным пониманием ситуации спросил: «Вам, наверно, негде переночевать?» Или, может быть, он сказал «некуда вписаться», точно не помню. Во всяком случае, к нашему удивлению, этот совершенно незнакомый человек, значительно старше нас, сразу заговорил так, будто мы давно знакомы.

Мы подтвердили, что нам некуда деться, и он пригласил нас к себе. Мы пошли с ним. Идя от «Сайгона» к нему домой и по дороге беседуя, мы и познакомились. Это был Саша Попов. Жил он на улице Чайковского, в десяти-пятнадцати минутах ходьбы от «Сайгона». С первых же своих слов он нас с Андреем будто загипнотизировал.

Был он невысокого роста, ниже среднего. Щуплый на вид, с огромным сократовским лбом, с бородкой, как и Дима, но со светлыми волосами и серыми глазами. С невероятно пронизательным взглядом. Смотрел он прямо в глаза, в самую серединку. Казалось, видел тебя насквозь. Но никакого осуждения или презрения в этом взгляде не было, как раз почему-то было очень приятно и интересно.

Странное было ощущение от его взгляда. Такое бывает, когда смотришь на кошку, а она на тебя. Смотрит тебе прямо в глаза. С каким-то особым знанием о тебе. С пониманием чего-то такого, чего ты сам о себе не знаешь. Вот так и Саша смотрел. И это было приятно, потому что ты интуитивно чувствуешь, что понимает он всё про тебя правильно. Что именно – неизвестно, но почему-то это успокаивало (меня, по крайней мере).

Вот подарила жизнь встречу с такими чудными, не от мира сего людьми, как Дима и Саша. Таковыми, каких и не бывает. Но в случае с Сашей могу сказать, что его образ, имидж его инаковости был окрашен некоторой архаичностью. В отличие от Диминого. Дима был существом из сказки, вневременным, а в случае с Сашей было ощущение, что он пришелец из прошлого, что он жил когда-то, может быть, 150 лет назад. В нем что-то было из XIX века. Не в одежде, а в аристократической манере разговора, в поведении, самом его существе. Притом что речь его вовсе не была архаичной, он и сленг охотно использовал.

Он вел нас к себе домой и по дороге что-то бесконечно говорил, все это было дико интересно, хотя сейчас мне уже трудно вспомнить подробности того монолога.

М. Я.: Хотя бы примерно. Ни тем, ни мотивов?

Г. Л.: Именно тот разговор я почему-то не помню. Наверно, потому что это было своего рода погружение в гипноз или сон, настолько непривычно он говорил. Запомнить с ходу было невоз-

можно, ты будто вступил в новый мир, в котором нужно было сперва как-то освоиться, как новорожденному младенцу.

Вспомнить, что конкретно он говорил, трудно: кажется, что-то про декабристов... Про государя императора... Господи, думали мы, какой государь император в 1986 году? Но он о нем говорил, и чувствовалось, что это все имеет огромное значение для него. Но почему? С ходу уловить это было невозможно, нужно было как-то привыкнуть к этому новому языку.

М. Я.: Про государя императора – в смысле, присутствующего, ожидаемого или бывшего?

Г. Л.: Непонятно. Мне кажется, была целая радуга смыслов в каждом его слове. Он привел нас к себе домой...

В те годы, в 1986 – 89-м, я частенько, иногда один, иногда с некоторыми своими друзьями – с Тилем, с тем же Андреем Галкиным и другими – мы приезжали в Питер и всегда заходили к Диме Тимченко на Невском, напротив «Сайгона», в его комнату в коммуналке, и к Саше Попову, тоже в коммуналку, на улице Чайковского. Тилия я познакомил и с Сашей, и с Димой. И Андрея – с Димой. А Саша со мной и Андреем сам познакомился, когда подобрал, как котят бездомных, у «Сайгона». Мы тогда у него два или три дня жили, он нам предоставил ночлег.

Надо сказать, что образ жизни и быт у Саши Попова и Димы Тимченко отличались кардинально. Это были противоположности. Рано утром, пока все спали, Дима совершал обход окрестных помоек, где бы он ни находился – в Питере, Москве или где-то еще. Собирал всё, что могло его заинтересовать. Это была одежда, еда, какие-то самые разнообразные предметы, игрушки, обломки, куски каких-то конструкций, все что угодно!

Он приносил целый мешок всякой всячины с помойки домой или туда, где он остановился, к каким-нибудь своим знакомым, друзьям, и сразу с этим мешком шел в ванную и все это тщательно мыл. Очень тщательно, с мылом отскабливал всё и развешивал сушиться, составляя какие-то разноцветные причудливые гирлянды. Причем, повторюсь, развешивал все это и по своей, и по чужим квартирам, где гостил.

Потом он что-то из этого раздаривал, одевал кучу своих знакомых, отдавая им постоянно какие-то штаны, куртки, рубашки, найденные на помойке, отстиранные и заштопанные. Что-то он на себя напяливал, постоянно меняя свой гардероб. И еду он там находил, которой тоже кормил друзей, гостей, знакомых и питался сам.

И вот притом что помойка была его секунд-хендом, надо сказать, что одевался он по-своему очень изысканно. Такое разнообразие гардероба, думаю, никакому моднику не снилось. И ведь черт знает что и как напялено, ботинки разные, рубашка наизнанку, трусы на голове, но как-то так всегда органично подобрано, что глаз не оторвать. И при этом всегда по-разному. Икона стиля!

Бывало, он делал какие-то странные художественные объекты из мусора, упаковывал в прозрачные целлофановые пакеты, таскал в свою комнату в коммуналке. У Димы была классическая зощенковская коммуналка, соседей там было много, и это были обычные люди. Одних звонков с фамилиями на двери было не меньше дюжины, и среди них волшебная кнопка «В. В. Тимченко». Или, может быть, «В. В. Назенцев»? – уже не помню. Он ведь взял фамилию жены, Ларисы. По документам он был Вадим Васильевич Назенцев. Интересно, что его на моей памяти никто никогда не называл Вадимом или Вадиком. Дима и никак иначе. Паспортная фамилия тоже в кругу знакомых не прижилась, все равно для всех он оставался Димой Тимченко.

Кстати, он мне как-то подарил свою фотографию на паспорт. Жаль, что она у меня не сохранилась, стырили. Это было, наверно, самое удивительное фото на паспорт в Советском Союзе. Птичье перо за ухом, волосы всклокочены, глаза смотрят в разные стороны, рот до ушей, галстук-бабочка чуть ли не на голое тело... И эта фотка, как мне помнится, действительно была вклеена в его паспорт.

Как соседи с ним уживались, не представляю. Его комната вся была заставлена, завешена этой паутиной удивительных предметов, объектов, гирлянд, всего, что он добывал на помойках и монтировал.

То же, как я говорил, происходило и с квартирой его друга или знакомого, если он там останавливался. В частности, с моей, потому что он, как и Саша, часто в те времена, приезжая в Москву, бывал у меня. В 1986 и 87-м каждый из них периодически у меня жил – обычно по несколько дней, а бывало, что неделю или две.

В те времена у меня была квартира в Орехово-Борисово, на Елецкой улице. Это была 16-этажная башня с одним подъездом. Жил я там, кажется, на 12-м этаже. Туда они ко мне и приезжали. Так вот, и моя квартира через несколько дней пребывания в ней Димы тоже начинала превращаться, как и любая, где он останавливался, в музей визуального Диминого искусства: всего собранного, составленного из каких-то предметов, найденных им на помойке и смонтированных в неведомые объекты и инсталляции.

М. Я.: То есть он выражал себя, говорил с миром, используя эти элементы, строил цепочки связей?

Г. Л.: Может быть. Во всяком случае, это было дико красиво, очень причудливо и совершенно ни на что не похоже. Но после того как он уезжал, я все это через какое-то время сгребал, раздавал, выбрасывал, потому что жить в Диминой паутине я не мог. Не мог сосредоточиться и заниматься своими собственными делами. Он все время плел вокруг себя эту тимченковскую паутину, удивительную, помоечную, но дико красивую и очень самобытную.

В этом отношении квартира Саши Попова представляла собой полную противоположность. Он тоже жил в коммуналке, но у него был только один сосед, мрачный и молчаливый прапорщик-алкоголик с багровым лицом. Сашин быт поражал своим аскетизмом. Небольшая длинная узкая комната. Абсолютно чистый и пустой пол, какая-то тахта, на которой обычно он сам спал, гостей он укладывал на коврик на полу. Где-то высоко под потолком (там были очень высокие потолки) как-то странно на полочке располагался телевизор. Небольшой, черно-белый. Стоял столик, на нем пишущая машинка. Помнишь, были такие оранжевые, портативные? С футляром, встроенным в саму конструкцию машинки. Ее можно было сложить, взять за ручку и удобно переносить с места на место. Если не пугаю, югославская машинка фирмы «Юнис».

Изредка он включал телевизор. Я помню, мы как-то с Андрюшей Галкиным пришли к нему, а он смотрит футбол и восхищается Марадоной. Мне это было совершенно тогда непонятно. Но Саша включал телевизор крайне редко. А вот у Димы в комнате были чуть ли не постоянно включены одновременно два телевизора, стоявшие один на другом (кажется, большой цветной и маленький черно-белый, наверняка оба с помойки), причем разные программы, конечно, и еще радиорепродуктор, и всё это на полную громкость! И ему было решительно все равно, что там передают, ему просто нужен был этот звуковой фон, этот белый шум нескольких взаимонейтрализующих речевых и музыкальных потоков.

Как ни странно, у Саши в комнате (по крайней мере, в период нашего знакомства) почти не было книг. Однажды в какой-то момент Андрей заметил на полке наверху томик Хлебникова и заинтересовался. Стояла еще какая-то «Махабхарата», не помню.

Саша говорил, что Хлебников слишком увлекался восточной философией. А сам Саша почему-то себя ей противопоставлял. Андрей удивленно поинтересовался: «Почему же тогда на единственной полке с книгами во всем доме хранится лишь томик Хлебникова и книга восточной философии?» Саша ответил: «Врага надо знать».

М. Я.: «Махабхарата»?

Г. Л.: Ну да. Какой-то том из знаменитой серии «Литературные памятники», в болотном переплете.

Очень аскетичный быт у него был. И идеальный порядок, в противоположность Диминому хаосу. Гости Саша поил горячим чаем и говорил, что в доме всегда должны быть хлеб, чай и сахар. Еще у него было уникальное блюдо: он варил лук. Утверждал, что буддийские монахи питаются исключительно вареным луком. Откуда он это взял? И почему буддийские монахи? Он же недолюбливал восточные учения. Мне бы и в голову не пришло есть вареный лук никогда, я его

ненавижу, из супа всегда вылавливаю и выбрасываю, но Саша варил его вкусно, как ни странно. Потому что он его почти не варил! Он открыл нам, что если лук особо не варить, а просто как бы хорошенько разогреть в кипятке, то вкусно получается. Он нас с Андреем так кормил.

Саша был довольно известен в хипповых кругах. К нему «на флэт» постоянно вписывались хиппи. Себя он тоже причислял к хиппи, хотя был, мне кажется, очень нестандартным, неканоническим хиппи. Он был хиппи среди хиппи. Неформалом среди неформалов. И они очень уважали Сашу. О нем шла слава, и она соответствовала действительности, что он один из очень немногих в этой среде умел как-то утихомирить гопников.

Про это ходили легенды, и при мне такое бывало. Удивительное дело! Рассказывали, что когда на Гоголях (то есть в Москве, на Гоголевском бульваре) «любера» приезжали бить «волосатых», те все разбежались, а Саша Попов оставался. Злющие подмосковные качки-хулиганы подходили к нему, и он с ними совершенно мирно беседовал и как-то им вправлял мозги.

М. Я.: Наверно, рассказывал о государе императоре?

Г. Л.: Нет, что-то другое. Я сам пару раз был свидетелем таких сцен, но я настолько боюсь этого всего, что у меня душа уходила в пятки. Так что подробностей я не помню. Только помню, что он как-то совершенно спокойно их гипнотизировал своей размеренной речью, и они тихо, мирно успокаивались и уходили, не трогали никого. С каким-то даже внезапно проявляющимся добродушием, задумчиво так уходили. Он как-то умел это.

Очень много чего хочется рассказать, но, когда знаешь, что это под запись, все вылетает из головы. Сейчас попробую еще что-нибудь вспомнить. С ним интересно было гулять по городу.

М. Я.: По Петербургу или по Москве?

Г. Л.: И по Петербургу, и по Москве.

М. Я.: Чем интересно было?

Г. Л.: К примеру, я в начале говорил, что он приоткрывал какой-то новый мир, так же, как по-своему, совершенно по-другому это делал Дима. Саша мог на улице подойти к понравившейся ему девушке и спросить: «Позвольте к вам прикоснуться?» Чаше всего они улыбались и разрешали. Он кончиком указательного пальца прикасался очень деликатно, нежно к локтоту, буквально на долю секунды, – и довольный, удовлетворенный, шел дальше.

Мы к нему приезжали, приходили в гости с Андреем, Тилем, с моим другом детства художником Володей Кутеко, которого я тоже познакомил с Сашей и Димой и на которого они тоже, особенно Саша, произвели сильное впечатление. Саша нам часто читал свою эссеистику, иногда и свои стихи.

Он самиздатом, на пишущей машинке, издавал ежегодный альманах «Северные цветы» (чуть ли не в одном-единственном экземпляре), где в основном печатал стихи своих знакомых. Помню, что в одном из выпусков были стихи Олега Котельникова, известного андеграундного художника. Замечательные. Я его стихи именно там впервые прочитал. Какую-то балладу о качелях. Не знаю, сохранилась ли она, больше она никогда и нигде мне не попадалась. С 1986 года Саша начал также самиздатом выпускать журнал «Весь», уже в четырех экземплярах. Это был журнал-монолог. Это как раз была та эссеистика, о которой я упомянул. Саша печатал это все на машинке и говорил, как бы перефразируя Галича: «На Россию четырех экземпляров достаточно». По большей части это был Сашин монолог, своего рода «поток сознания». С вкраплениями стихов – отчасти его собственных, отчасти стихов его друзей и знакомых: Симона (Семена) Любаскина, Ларисы Назенцевой, Антония Кацнельсона, художника Павла Шинкоренко, журналиста «Радио Свобода»¹ Виктора Резункова и других².

¹ «Радио Свобода» внесено Минюстом РФ в реестр «иностранных агентов». – Ред.

² В самый первый выпуск «Весов» (№ 1 за 1987), помимо подборки стихотворений самого С. П., вошли стихи Семена Любаскина, Федора Васильева, Павла Шинкоренко, Андрея Изюмского, Татьяны Ивановой (Ладошкиной), Владимира Нахимова, Александра Маркузе, Марины Мионовой, Ларисы Назенцевой, Светланы Телеповой и Антония Кацнельсона. А 4-й выпуск за 5748 год по еврейскому летоисчис-

М. Я.: А этот его авторский монолог – о чем?

Г. Л.: Обо всем. Он там фиксировал самые разные мысли, соображения, многие из них были совершенно абсурдные. Саша любил многое доводить до абсурда. При этом он не жаловал Димин способ общения с миром, потому что считал его чересчур бредовым.

У них были сложные отношения. Они, как я уже сказал, были друзья-враги. Как Блок и Андрей Белый. Видимо, когда-то они тоже очень дружили, но потом их пути стали расходиться. В ту пору, когда я с ними познакомился, у них уже были несколько напряженные отношения.

Саша Попов считал, что Дима (может быть, я немного упрощаю, но примерно так мне запомнилось) усиливает бред, которого и без того много в мире. Катализирует и усиливает этот бред.

М. Я.: Плюсует, а Саша хотел минусовать?

Г. Л.: У Саши был такой лозунг, девиз: «Бред бредом побеждают». Как клин клином вышибают. Он тоже любил некоторые свои мысли доводить до абсурда, но это делалось именно для того, чтобы преодолеть бред окружающего мира собственным бредом, противопоставленным и еще более сильным. Это у него была абсолютно сознательная позиция. А Димин бред он считал неправильным. Считал, что Дима не гасит бред, а наоборот, только его усугубляет. Как говорится, гасит пожар бензином.

Однажды Саша сочинил палиндром. Прimitивный, но выразительный. Помню, как он начертил его большими буквами на листе бумаги и показывал мне: «РОС МИМ СОР». Сам я тогда еще не писал палиндромов, да и вообще ничего не писал. Саша улыбался и был очень доволен этим текстом. И насколько я понял из его объяснений, он тут имел в виду именно Диму как своего противника, как демона помойки, бреда, хаоса.

Сложные были отношения у них. Я помню сценку у меня дома. Был период, когда они оба жили у меня довольно долго, недели две. Мы встречали Новый год у меня в Орехово-Борисово. И они приехали по моему приглашению. Новый 1987 год. Точно! Кажется, рано утром 31 декабря приехал Саша. И вскоре, в тот же день, приехал Дима с женой Ларисой.

У нас тогда собралась огромная куча народа, несколько дней все там у нас жили, тусовались, какие-то были интересные разговоры, встречи... Я сейчас уже мало что помню, но помню, что было очень круто. Конечно, главными центрами и полюсами внимания были Дима и Саша, постоянно находившиеся в этой моей небольшой однокомнатной квартире.

Чаще всего мы все сидели на крошечной кухне. Между Сашей и Димой действительно была какая-то очень сильная связь и в то же время очень сильное напряжение. И в каком-то смысле противостояние.

Я помню, что Дима мог есть практически всё, постоянно приносил какую-то гниль с помойки и ел, да еще и других норовил угостить. Однажды во время его очередного страстно-заумного спича на кухне я сделал ему нормальный бутерброд из свежего хлеба с маслом и сыром или колбасой, сунул ему в руку, он автоматически откусил кусок, начал жевать – и вдруг аж весь позеленел, закашлялся, глаза у него на лоб полезли... Он кинулся к раковине, налил в банку теплой хлорированной воды из-под крана, накрошил туда этот бутерброд, побросал еще какую-то свою припасенную гадость, типа дохлых пиявок, перемешал – и тогда уже с удовольствием, причмокивая, начал хлебать эту бурду. В этом весь Дима. Простой хороший бутерброд его не устраивал, весь его волшебный организм восставал против этого.

Вспоминается картинка из тех дней, как Саша убивал тараканов у меня на кухне, их было довольно много. Сейчас тараканы – некоторая редкость, а в те времена они регулярно заводились в жилище, их время от времени приходилось травить... Так вот, Саша бил тараканов, а Диме это не нравилось. Он бухтел недовольно по этому поводу всякий раз, когда Саша, зачитывая свой какой-нибудь манифест, как бы между прочим зашибал таракана на стене или на столе, сбрасывал

лению, вышедший в уже в 1988, полностью представлял собой публикацию небольшого цикла стихов Виктора Резункова (1958–2017) «Веселые картинки с выставки» (1979). – Г. Л.

его на пол и невозмутимо продолжал читать. Дима что-то кудахтал на своем птичьим языке, но понятно было, что ему это не нравится, что он возмущается.

Иногда Дима приходил, и по нему ползали какие-то животные. Крабы, например. Еще как-то рыбок принес в банке, и они с тех пор некоторое время у меня жили, потом лягушка какая-то по нему прыгала – он ее из-за пазухи вытащил. Видя таракана, Дима аккуратно брал его и сажал себе на руку, чтобы тот по нему побегал. В какой-то момент Дима мог взять таракана и положить в рот, а потом выпустить изо рта, а мог его запросто и съесть. Да-да, он при мне несколько раз живьем съедал таракана!

Кстати, Дима однажды меня очень напугал, когда начал рыбкам подливать в воду кипятком из чайника. Я думал, они сейчас там сварятся. Но он как-то так всё рассчитал, что вода просто потеплела, рыбки в аквариуме засуетились, но вроде ничего плохого с ними не произошло. Но я тогда так испугался, что даже на Диму накричал, чтобы он больше такого не делал.

Помню, когда он съел таракана, у них с Сашей произошла сцена. Саша медленно встал со своего места, и Дима тоже медленно привстал со стула. Они на этой нашей маленькой кухне в несколько квадратных метров очень медленно стали друг к другу приближаться в полной тишине и очень медленно, как в замедленной съемке, вцепились друг другу в бороды и стояли так, глядя глаза в глаза, не мигая и ничего не говоря. Так продолжалось минуту или две. После чего так же медленно расцепились и разошлись по своим местам. Но это был какой-то момент, видимо, их окончательной размолвки.

М. Я.: Наверно, Саша воспринял поедание Димой таракана как личное оскорбление.

Г. Л.: Возможно. Во всяком случае, с того момента они в те дни, по крайней мере при мне, уже никак не общались, игнорировали друг друга, будто не замечали.

М. Я.: Диалог завершился.

Г. Л.: Похоже на то. Хотя находиться вместе в этой моей крошечной квартире и не замечать друг друга, думаю, было сложно. Тем более, что оба они были такими оригиналами.

М. Я.: Сколько времени это продолжалось после Нового года?

Г. Л.: Кажется, все это наше празднование продолжалось недели две или три. А в какой именно день они друг другу в бороды вцепились, я не помню. Но это не в самые первые дни было, поначалу все было мирно.

Саша приехал утром 31 декабря, еще никого не было, и пришел сразу к нам. Моя тогдашняя жена Ольга увидела его впервые и как-то сразу приняла. И Диму тоже. Хотя она очень привередливая и строгая, никто ей не нравился, а вот их она признала.

Я помню, что Саша в те дни довольно часто читал у нас вслух свои тексты. Он нам сразу прочитал, а потом зачитывал всем приходившим гостям свой тогдашний манифест и давал на подпись. Всем желающим, практически всем, кто попадал в Сашино поле зрения и был ему сколько-нибудь симпатичен, он давал подписать этот манифест: «Отныне всё будет происходить самым-самым совершенным-совершенным, лучшим-лучшим, правильным-правильным (и еще куча таких удвоенных, через дефис, эпитетов) образом». И я подписал, и все подписывали. Точный и полный текст, видимо, не сохранился, к сожалению¹.

Андрей Полонский устроил единственную относительно заметную Сашину типографскую публикацию – в журнале «Твердый знакЪ». В начале 90-х. В основном это фрагменты Сашиных «Весов», хотя там это не было указано. Конечно, там перепечатано далеко не всё. Это некая выборка, сделанная, вероятно, редакцией. К тому же тексты были отредактированы, в оригинале всё гораздо шершавее. Упростили пунктуацию, графику текста, какие-то мелочи. Может, и правильно. Во всяком случае, это была довольно большая, хорошая и заметная публикация, и я помню, что Саша был ею очень доволен. Я тогда купил десяток экземпляров и всем раздаривал.

¹ Текст, о котором идет речь, уже обнаружился в одном частном архиве и войдет в готовящуюся книгу. – Г. Л.

Три первых машинописных выпуска Сашиных «Весов» Полонский передал в Библиотеку неизданных рукописей московского Гуманитарного фонда им. Пушкина. Выпускавшего в начале 90-х известную одноименную еженедельную газету о современной культуре. Эта газета, «Гуманитарный фонд», была в те времена единственным изданием, где меня печатали, и я постоянно бывал в редакции. Обнаружив там Сашины «Весы», я их себе тогда отскерокопировал и сохранил. Впоследствии гумфондовская коллекция самиздата была, насколько мне известно, передана в Историческую библиотеку. Кроме того, у меня есть еще два-три номера «Весов» в оригиналах, Сашина машинопись с его рукописными пометками. Есть у меня и две машинописные подборки его стихов (помимо стихов в «Весах»). Что-то он мне подарил, что-то я выпросил, а что-то, кажется, даже купил у него за небольшие деньги.

В какой-то момент я поинтересовался у Саши, как бы почитать его пьесы, потому что прежде всего он себя позиционировал как драматурга. Зачастую так и представлялся: «Саша Попов, драматург».

При этом в театрах его пьесы практически не шли. С театрами у него почему-то не складывалось. Хотя поговаривали, что пьесу «Потом... потом... потом...» собирались ставить даже Товстоногов и Васильев. Но не случилось.

А раздобыть и почитать его пьесы мне было дико любопытно. И я однажды спросил у него: «Как найти твои пьесы?» Он мне рассказал, что их можно купить в Москве, в Союзе театральных деятелей или во Всесоюзном театральном обществе, что-то в этом роде. И я поехал в это самое ВТО. Оно располагалось тогда на улице Горького, нынешней Тверской. Это было в конце 80-х. Поднявшись на нужный этаж, я попросил пьесы Александра Николаевича Попова, и мне действительно вынесли папку.

Оказывается, поскольку он был членом какого-то вполне respectable объединения драматургов, несколько своих пьес он туда передал. Машинистки распечатали их, кажется, в нескольких десятках экземпляров. И там их на всякий случай хранили, такой был порядок, – вдруг какой-нибудь режиссер заинтересуется. Там оказалось три его пьесы, и, хотя я не имел никакого отношения к театру, мне продали по экземпляру. Стоили они по рублю, что ли, или по два. Там было «Потом... потом... потом...», «Придверие» и еще одна пьеса, инсценировка «Алых парусов» Грина. Не помню, как она называлась, но не «Алые паруса», как-то иначе.

Все купленные пьесы я хранил у себя. Но однажды, незадолго до того, как я оставил квартиру в Орехово-Борисово, Саша ко мне туда заехал. И я имел неосторожность похвастаться ему, что его пьесы я всё-таки раздобыл. После чего он у меня одну из них забрал, сказав: «Это мне нужно кое-кому показать». А понадобилась ему как раз инсценировка «Алых парусов».

Я, конечно, тогда прочитал все эти пьесы. Помню, на меня очень сильное впечатление произвело «Придверие». Там вроде бы почти ничего не происходит, но эта пустотность как-то по-бекетовски завораживает. Легендарная «Потом... потом... потом...»¹, как ни странно, не так сильно на меня действовала. Нет, она хорошая, и всё же эти «сцены в жилконторе» уже тогда, в конце 80-х, через 15 лет после написания, воспринимались как ретро. Хотя я и сам из «поколения дворников и сторожей». Возможно, я ошибаюсь, и ее время еще придет. Когда-нибудь потом, потом, потом... А вот в пьесу по «Алым парусам» я, признаться, совсем не въехал. Если бы я не знал, ни за что бы не догадался, что это Сашина работа. Да и вообще что это произведение талантливого человека. А вот Саша относился к ней по-особому. У него был какой-то свой взгляд на эту пьесу. Он мне тогда объяснял ее суть, какую-то мистическую подоплеку, очень глубокую. Мне же казалось, что это совершенно обычная детская инсценировка известной повести. Он сказал, что ему нужно дать ее почитать знакомому режиссеру (кажется, из какого-то подмосковного ТЮЗа) – тот,

¹ Первую пьесу Саши Попова «Потом... потом... потом...», написанную в середине 1970-х и производящую некоторый фурор в тогдашних театральных кругах, можно прочитать в 4-м выпуске альманаха «Ландскрона» (1998 года) – «Семь пьес с необычной судьбой»:

²http://www.theatre.spb.ru/newdrama/4_landsk/index_4.htm

дескать, интересовался. Саша забрал ее, и больше я ее не видел. А в помещениях ВТО на Тверской в 1990 году был большой пожар, так что, возможно, она вообще не сохранилась.

Помню, что в те времена Саша писал пьесу по мотивам Евангелия, и как-то у себя дома, в Питере, очень интересно мне и другим гостям про нее рассказывал. Подробностей никаких не помню, но он так вдохновенно рассказывал! Я даже помню тетрадь ученическую, обычную школьную, кажется в клеточку, тетрадь, в которой он записи делал для этой вещи. Из его пояснений становилось понятно, что он как-то пытался приблизить Евангелие к нашей реальности. Но не в смысле осовременивания, одевая героев прошлого в джинсы и футболки, нет, ничего подобного у него не было. Евангелие, по Сашиному мнению, – это именно то, что сейчас происходит, в данный момент. Такое вот было ощущение от пересказа замысла этой пьесы. Но закончил он ее или нет, я не знаю.

М. Я.: Как он это выражал? Выражал ли как-то? Была ли это пьеса или это был спектакль, который разыгрывался им перед вами?

Г. Л.: Мне кажется, он действительно делал наброски этой пьесы, потому что, как я говорил, я помню тетрадь с его записями. Но фрагментов он нам не читал, он рассказывал про замысел, и это было дико интересно. Он говорил про Тайную вечерю, еще о многом, но подробностей, увы, не помню. Осталось ощущение от его пересказа, что все это происходит здесь и сейчас, а не когда-то в Древней Иудее. Это было физическое ощущение.

М. Я.: Ты не думаешь, что для него это действительно происходило здесь и сейчас?

Г. Л.: Вполне возможно. Наверно, поэтому он за это и взялся. У меня, к сожалению, нет никаких сведений о судьбе этого текста.

М. Я.: Я слышал от Тили такую версию, что пьеса с названием «Евангелие от Иоанна, или Троянский конь» заключалась в том, что человек выходит на сцену, садится на стул и читает Евангелие от Иоанна.

Г. Л.: Не знаю, может быть, в какой-то момент Саша передумал. Я помню, что какие-то он делал наброски. Возможно, он постепенно пришел к такой концептуальной версии, о которой говорит Тиль, но я такой версии не помню.

М. Я.: Дима все время разговаривал. У него все время был какой-то разговорный процесс. У Саши же разговор был только по делу, если возникала конкретная тема. Так?

Г. Л.: Он тоже все время о чем-то рассуждал вслух. Но то, о чем по-чуждому вещал Дима, с трудом можно было разобрать. Было интересно, но непонятно. То, что Саша говорил, было очень необычно, самобытно, но более-менее понятно. Кстати, именно Саша меня в каком-то смысле сподвиг на занятия литературой.

Дело в том, что в тот период, когда мы с ним особенно активно общались, с 1986 по 89-й год, да и вообще в 80-е, – я практически ничего не писал. Хотя вообще-то я сочинял стихи с раннего детства, лет с пяти. А период активного стихописания у меня был в старших классах, начиная с седьмого, и еще почти год после окончания школы, в институте, – в общей сложности пять лет. Но потом так сложилось, что я почти завязал со стихами и почти десять лет почти не писал стихов. Раз в пару лет стишок напишу, а то и реже. К концу 80-х я начал расписываться, но очень медленно, постепенно. Толком я начал писать только в начале 1990 года. И, думаю, в огромной степени меня к этому подтолкнул как раз Саша. Я помню, что всегда надеялся, что обязательно буду писать, но 80-е годы – это был период, когда я искал и не находил свой поэтический язык. Саша, можно сказать, личным примером подтолкнул меня. Мы много общались в те годы, и я видел, что он все время пишет, что-то записывает в блокнот, постоянно садится за машинку и что-то печатает. В общем, я видел его постоянно у пишущей машинки, с тетрадкой и ручкой всегда под рукой.

И вот однажды в 1988 году в Москве, я тогда гостил у своей приятельницы, художницы Гали Князевой, и Саша меня там навестил. Я помню, что у нас был большой разговор тет-а-тет в той квартире. Кажется, я жаловался ему на какой-то кризис, тупик в своей жизни, как я тогда это ощущал. И он вдруг сказал мне: «А почему ты не пишешь? Это же так круто! Берешь слово...» – и

он сделал такой жест – как кот в воздухе птичку лапой поймал. Вернее, не то чтобы поймал, а так мягко, аккуратно взял в воздухе невидимый и как бы парящий небольшой шар. Размером с теннисный мяч. И повторил: «Берешь слово, потом берешь другое», – и опять сделал подобный жест, теперь уже другой рукой, будто что-то опять поймал. Меня это восхитило! Он дал мне ход, подарил ход, открыл путь моим мыслям, я почувствовал, что, оказывается, найти свою дорогу в литературе проще, чем кажется: берешь слово, берешь другое и...

И я расписался, но не сразу после этого. Во мне эта мысль засела, и еще через пару лет меня как прорвало. Эта его подсказка была для меня чрезвычайно важна, и я ему за нее очень благодарен.

М. Я.: Что-то еще было дальше?

Г. Л.: Много чего было. Не могу с ходу вспомнить, надо подумать. Но то, о чем я сейчас рассказал, было, наверное, главное, судьбоносное для меня событие.

Засел в памяти еще такой случай. Думаю, он добавит несколько черточек к тому, что за человек был Саша Попов. Был тогда какой-то сложный период в его жизни. Однажды едем мы в метро, вдруг он прикасается к стене вагона и тихо говорит: «Серафим Саровский, помоги». Потом еще раз прикасается и говорит: «Саша Попов, помоги». Теперь я сам частенько говорю: «Саша Попов, помоги», – и мне он помогает. Он, кстати, и внешне похож был на Серафима Саровского, судя по изображениям на иконах.

А однажды он пришел в Эрмитаж и сел на царский трон. Об этом потом рассказал Невзоров¹ в своих новостях («600 секунд», кажется). Они с Невзоровым вроде приятельствовали в молодости. И тот по телеку рассказал, что питерский городской сумасшедший Александр Попов сел на царский трон и объявил себя царем-батюшкой.

У меня хранится мемуар Тиля про Сашу, написанный по моей просьбе еще в конце 90-х. Гораздо более подробный, нежели его недавнее интервью. Письменный мемуар, который никогда не публиковался.

Видимо, я так много взял, впитал от Саши (да и от Димы тоже), что со мной как-то произошел такой случай. Стоял я как-то в Питере у «Сайгона», и вдруг пьяный, бомжеватого вида мужик подошел ко мне со словами: «Ты Саша Попов». Это было удивительно.

Впрочем, есть в моей внешности и натуре, видимо, такая особенность, что мне часто говорят про мою схожесть с самыми разными людьми. С какими-то знаменитостями или просто с чьи-то знакомыми. Я постоянно слышу от кого-то: «Вы похожи на того-то». С какого-то момента я даже начал вести такой список, и там уже сотни персоналий, от Пушкина до льва Бонифация из мультфильма. Сам Саша мне сказал как-то: «Ты похож на Фрунзика Мкртчяна». А узнав, что я наполовину армянин, добавил: «Ной – армянин, значит все люди армяне».

Но когда этот мужик принял меня за Сашу, я сильно удивился, потому что, ну, все-таки я шатен, глаза у меня карие, а у Саши были серые глаза и светлые волосы, ну и вообще другой совсем типаж. И Саша был гораздо старше меня. Мужик даже не говорил, что «похож», он просто сказал: «Ты Саша Попов». Не как вопрос, а как утверждение. Постепенно из его пьяного бреда я понял, что для него Саша Попов – это собирательный образ. Хотя он имел в виду действительно нашего Сашу Попова, с которым он иногда пересекался у «Сайгона»...

М. Я.: Почувствовал, наверно, что от тебя исходит похожая энергия?

Г. Л.: Как я понял, у него было своеобразное представление, что существует особая категория людей, такие «саша поповы», наподобие христов у хлыстов, и он решил, что я такой же, из этих.

М. Я.: Саши Попова уже не было в живых, когда он тебе это сказал?

Г. Л.: Саша был жив, это в конце 80-х было.

М. Я.: Когда Саша умер?

Г. Л.: В 95-м.

¹ Александр Невзоров внесен Минюстом РФ в реестр «иностранных агентов». – Ред.

М. Я.: В связи с его уходом у тебя есть какие-то ощущения, подробности, что-то еще? Или ты знаешь то же, что Тиль и все, – что толком ничего не понятно?

Г. Л.: Да, я знаю, что его нашли повесившимся (или повешенным) на кухне в его квартире и что незадолго до этого повесился и его сосед, прапорщик-алкоголик. А когда-то была история, когда Саша поджег квартиру и вышел голым на карниз, его как-то сняли и отвезли в психушку. Он и сам об этом рассказывал, и какие-то до меня доходили слухи.

Однажды в Москве он повел меня в театр Анатолия Васильева, и мы долго, часа полтора ждали в фойе, когда выйдет Васильев. В итоге Васильев выскочил, сухо и коротко с ним поздоровался и убежал. Еще помню, как Саша Попов завел меня в кабинет Генриетты Яновской в Московском ТЮЗе, где она к тому времени, в конце 80-х, стала главным режиссером. Мы посидели сперва вдвоем в кабинете, там никого не было, потом появилась она. Как раз она говорила с Сашей очень ласково и была рада.

Еще уйма каких-то деталей вспоминается, вроде бы ничего не значащих...

М. Я.: Они с этим прапорщиком жили вдвоем в квартире?

Г. Л.: Да.

М. Я.: То есть от них могли избавиться последовательно – от одного, потом от второго, чтобы квартиру заполучить каким-то образом?

Г. Л.: В смысле?

М. Я.: Да чтобы получить квартиру. Тем более, если они вели себя странно, да и годы были такие.

Г. Л.: Макс, я не могу ничего об этом сказать, я не знаю.

М. Я.: Квартира в центре могла кому-то понадобиться?

Г. Л.: Не знаю. Некоторые Сашины знакомые не верят, что он это сам сделал. Я ничего сказать не могу.

М. Я.: Непохоже, что-то тут не сходится.

Г. Л.: Я не знаю. Не верил, например, в Сашин суицид его друг, гениальный мим Коля Никитин. Он категорически не верил и говорил, что буквально чуть ли не в тот же день или накануне встретил Сашу на улице и что тот был весел, доволен, какую-то показывал свою публикацию в газете. Но попадались мне и другие мнения о его настроении в этот поздний период его жизни. Вообще он был человек эмоциональный и эмоционально переменчивый, это всегда чувствовалось, несмотря на некоторую сдержанность внешних проявлений.

Кстати, его газетные публикации надо бы найти. В последние годы его жизни, примерно в 1993–1995, как я слышал, печаталось несколько Сашиных заметок в какой-то питерской газете. Скорее всего, это была газета «Час пик», в которой появился и его некролог, написанный драматургом Александром Образцовым.

Сам я в эти годы с Сашей уже почти не общался. Моя дружба с Сашей и Димой принесла череду важнейших впечатлений моей жизни, которые меня напитали, наполнили. Да так, что я нашел в себе силы и возможность писать стихи, нашел свой взгляд и свой стиль в литературе, в поэзии. Но, как ни странно, именно тогда, когда я это нашел, мое с ними общение почти прекратилось. Благодаря этим двум удивительным людям я стал самим собой, и в каком-то смысле они стали мне не нужны. А я – им. Мне, наверно, было бы совестно, но дело в том, что я и от некоторых наших общих знакомых слышал о подобном развитии отношений с ними.

Саша благосклонно отнесся к моим зрелым поэтическим опытам. Помню, что, когда я ему читал их и показывал, он улыбался, одобрительно кивал. Определенно ему понравилось стихотворение «Дорогие люди!..». Особенно он хохотал над строчкой «Признайся, ты секс-маньяк?». Сказал даже: «Действительно, кто ж не признается, что он секс-маньяк».

Это была последняя или одна из последних наших встреч. В конце 91-го или в 92-м.

Что касается Димы, то он как раз меня очень сильно обломал, когда я попытался показать ему свои стихи, почитать. Это было в Москве в 1990 году. Кажется, в конце февраля или начале марта. Когда я еще только-только как следует расписался...

Кстати, я как-то зашел к нему в конце 80-х домой, в Питере... Дима тогда был женат на Ларисе Назенцевой. Лариса – поэтесса. Когда она попыталась мне и другим гостям то ли почитать, то ли дать почитать распечатку, как-то свои стихи продемонстрировать, Дима очень резко, жестко это пресек: «Ну что ты пристаешь к людям с этими своими стихами?» Мне было ужасно неудобно перед Ларисой, но действительно, я был уставший, только что с поезда, и ни сил, ни настроения читать или слушать стихи в том момент совершенно не было.

Так вот, в 90-м году, в конце февраля или начале марта, Дима приехал в Москву, и мы с ним пошли гулять. Мы гуляли по московским улочкам где-то в центре, и я ему признался: «Дима, я теперь пишу стихи». Он что-то пробормотал, как всегда невразумительное. Я говорю: «Давай я тебе почитаю».

Я был одержим, потому что после почти десятилетнего перерыва вернулся к поэзии и наконец-то мне самому мои собственные стихи стали нравиться. Я помню, что достал самиздатскую машинописную, мною самим отпечатанную книжку с этими свеженписанными стихами. То, что мы шли по улице, как-то не очень способствовало чтению более характерных для моей новой поэтики миниатюр из нескольких слов, они требуют более медитативного состояния, особого настроения, а мы шли по улице, машины ехали рядом... Поэтому я выбрал стихотворение довольно длинное, на страницу. По моим меркам большое. А главное, я выбрал его потому, что оно было посвящено Диме Тимченко. Ну, вот я и говорю: «Я тут тебе посвятил стишок, сейчас прочитаю».

Оно не сохранилось, я уничтожил, сжег первые свои машинописные тома, первые пять. Из них многое, как птица феникс из пепла, восстановилось. Я надеюсь, что почти всё лучшее. А именно это стихотворение, кажется, нет. Хотя не исключено, что где-нибудь в пучинах моего архива оно когда-нибудь найдется¹. Я помню только пару слов, что-то было там про кротик. Какой-то стих про каких-то кротик. Это было некое сюрреалистическое нагромождение слов и образов, фантазмагория поэтическая. Мне показалось, что она очень в Димином духе, поэтому я и поставил посвящение ему. И, воспользовавшись случаем, решил это ему прочитать.

Мы шли по улице, и, как только я начинал декламировать (а я достал книжку, чтобы не сбиться), на первых же строчках, буквально с первых же слов, с первого произнесенного мною звука стиха, Дима тоже сразу начинал что-то импровизировать, наговаривать какой-то, как бы тоже стихотворный текст, соединяя далековатые понятия посредством ритма. Так что зайти далеко мне не удавалось...

М. Я.: Он хотел полифонии. Ната говорила, что, как только садилась картину писать, он тоже...

Г. Л.: Он меня обломал, потому что мне хотелось прочитать, хотелось, чтобы он, мой в некотором роде кумир, выслушал. Тем более – с посвящением ему. Причем он внимательно так смотрел на меня, делал паузу, вроде готов послушать, но только я раскрывал рот, он тоже сразу начинал что-то тараторить примерно в том же стихотворном размере. Я трижды, по-моему, пытался. Всякий раз это повторялось. Говорю: «Дима, ну послушай, пожалуйста». – «Да, да», – и опять то же самое.

Я обиделся и перестал, ушел тогда, и всё. Мне кажется, мы даже больше уже никогда и не виделись. Во всяком случае, активное наше общение на этом закончилось. Не виделись не потому, что я обиделся. А потому что, как я уже говорил, пока я искал себя в те годы, мы много общались. А когда я себя нашел, уже я из этого гнезда вылетел и существовал сам по себе. Жил своей жизнью.

М. Я.: А на спектаклях Сашиных ты не был?

Г. Л.: Нет. На каких спектаклях?

М. Я.: «Придверие» шло в театре? Это единственное было или что-то еще?

Г. Л.: Мне кажется, это была единственная прижизненная постановка Сашиной пьесы, и она ведь недолго продержалась. Ну, может, несколько месяцев, несколько представлений в каком-то ДК. Я о ней в то время даже не слышал, к сожалению. Иначе обязательно съездил бы посмотреть.

¹ Впоследствии стихотворение, о котором идет речь, нашлось. Его можно прочитать в моем «живом журнале»: <https://lukomnikov-1.livejournal.com/1060964.html>. – Г. Л.

Я помню, как при мне к Саше в гости заходила его приятельница, режиссер Марина <Шрон>, которая тоже очень заинтересовалась «Придверием» и хотела его поставить. И Саша ее консультировал, говорил ей, как ставить эту пьесу: «Нужен ирреальный вруб. Если будет ирреальный вруб, то всё получится. Не будет ирреального вруба – ничего не получится».

Я помню, что эта режиссерка была еще и драматургом и у нее, если не ошибаюсь, была пьеса, действие которой полностью происходит в застрявшем лифте.

Ты спрашивал про особенности быта. У Саши была такая манера, он ненавидел этикетки с обозначением фирмы. Он и у себя, и у всех своих друзей и знакомых в обязательном порядке срезал, счищал, соскребал все этикетки с одежды, со всевозможных бытовых предметов. Такой у него был пунктик.

Я однажды у себя в Орехово-Борисово среди ночи проснулся от какого-то очень странного звука, ритмичного скрежетания. Проснулся, встал, не мог понять, что это такое, прошел в ванную и увидел Сашу (который в эти дни у меня жил): он, склонившись над ванной, то ли напильником, то ли наждачной бумагой сводил клеймо с моей кастрюли, там даже не этикетка была, а рельефный такой знак.

М. Я.: Ему не нравилось, что там написано?

Г. Л.: Там просто было название посудной фабрики и, видимо, какие-то данные, полагававшиеся по ГОСТу.

М. Я.: Ему хотелось, чтобы был смысл, если что-то пишется на стенах, на предметах, на вещах, чтобы это имело какое-то значение, протестовал против любого клейма...

Г. Л.: Наверно, так. Он сводил это, как дурную татуировку. Ну ладно этикетку бумажную или тряпичную оторвать, но тут большая работа. Он целый час напильником срезал эти буквы и цифры с кастрюли. Глубокой ночью! Хотя, казалось бы, какое ему дело до моей кастрюли? – он ко мне приехал на несколько дней.

М. Я.: Стирал лишнюю информацию.

Г. Л.: Я вот думаю, что самое ценное было бы, гораздо ценнее моих дурацких воспоминаний, – просто опубликовать его тексты. А вот еще что действительно интересно, так это то, что я к нему привел Янку Дягилеву в гости. В марте 1988. Ее тогда еще практически никто не знал. Она у него пела, и он записывал. Янка пела под гитару свои песни и песни Егора Летова, но перед тем как петь Егора, всегда просила выключить магнитофон. Считала, что его записи должны распространяться только в авторском исполнении. А свои разрешала записывать. Помню, Саша со смехом сказал по поводу строчки из ее ранней песни, что «телевизор с потолка свисает» – это как раз про его комнату, и показал на телевизор, действительно висевший у него под потолком.

У него был кассетный магнитофон. Он часто включал его, обычно у него дома звучал «Аквариум» или еще что-нибудь из питерского рок-клуба. Я помню, мы с Галкиным как-то пришли, включили этот магнитофон, а он сидел за столом и печатал что-то на машинке. А мы с Галкиным в уголке сидели и слушали «Аквариум». Он на нас посмотрел и сказал с улыбкой: «Аквариумисты».

Когда я Володю Кутеко к нему привел, Саша что-то вещал, а Володя сидел в уголке. Он видел и слышал Сашу впервые и был очень впечатлен, но держал указательный палец у краешка глаза, и Саша в какой-то момент ему заметил, что это жест психиатра.

М. Я.: Будущего! Володя ведь тогда еще психиатром не был?

Г. Л.: Не был ни тогда, ни потом.

М. Я.: Сейчас он стал вести какие-то консультации...

Г. Л.: А, точно! Ну, не психиатрические, но что-то вроде психотерапии. Получается, что Саша напророчил.

М. Я.: Видишь, у него была способность – и в случае с тобой, и с Володей, он вам путевку выписал.

Г. Л.: Получается, так. Конечно, всё, что говорил Саша, что говорил Дима, нужно было записывать на магнитофон, а еще лучше – на видео. Ужасно обидно, что это все не сохранилось, а

вспомнить трудно. Ну, хотя бы тексты остались. Да и то, видимо, далеко не все. Впрочем, Димины стихи, по правде говоря, дают слабое представление о его речи. Как ни парадоксально, она была, на мой взгляд, гораздо более концентрированно-поэтичной. Или, может быть, самый факт речи и ее импровизационная природа делали ее таковой. Есть все же разница между писанным текстом и устным, рождающимся у нас на глазах, в Димином случае совершенно непредсказуемым. А вот Сашины тексты, особенно его эссеистика, довольно близки к Шашиной речи. Это, собственно, и есть его байки, «телеги», записанные им самим.

М. Я.: Ты переводишь это на свои языки.

Г. Л.: Во мне это как-то опосредованно. Они мне, конечно, отцы родные, но куды мне до них... Ужасно жаль, что невозможно сейчас послушать хотя бы магнитофонные записи. Ведь можно было записывать, они же оба говорили без остановки почти.

М. Я.: Потому что были включены.

Г. Л.: Не было такой традиции – фиксировать. Однако сам Саша записал Янку. Возможно, это была одна из ее первых аудиозаписей. Она не сохранилась, поскольку весь Сашин архив пропал после его смерти. Надо было сразу кому-то ехать туда и всё забрать, но, увы, никто этого не сделал.

Дополнение к беседе

Перечитав нашу беседу, хочу, хотя бы конспективно, добавить еще кое-что.

Однажды Дима вбежал ко мне в квартиру запыхавшись, со здоровенной шишкой на лбу, явно после драки, удирая от погони. Через день от шишки не осталось и следа. У него тогда была манера гасить сигаретные бычки об себя. Обычно об руку, а иногда о кончик собственного носа. У кого другого вообще бы нос отвалился. Я даже видеть этого не мог, а ему хоть бы хны, это просто его бодрило. На нем в те времена, как говорится, все зарастало как на собаке. Поговаривали, что он и в окошко выходил бог знает с какого этажа – и ничего. Он все время себя истязал, испытывал границы своих возможностей. У него какой-то волшебный, йоговский был организм. Дима был похож на джинна, вылетевшего из бутылки. Но, кажется, в конечном итоге он все же, к несчастью, преуспел в этих опасных экспериментах.

У него была очень подвижная, выразительная мимика. Он то и дело тянул носом, будто нюхиваясь в окружающий мир, и недовольно морщился, как мышка. И вдруг улыбался обезоруживающе. Сморщит носик, ухмыльнется, аж просияет весь, а потом ка-ак сказанет что-нибудь – и думай: что бы это значило?

А у Саши была очень загадочная улыбка, одна из его улыбок. Загадочная, как улыбка Джоконды. Притягательная и в то же время слегка пугающая: одним уголком губы при очень серьезном взгляде. Такую улыбку я видел только у трех людей: у моего папы, Саши Попова и перфомансиста Бренера.

Как-то мы были с Андрюшей Галкиным в гостях у Димы, на Невском. И зашел еще какой-то юноша. Они с Димой не были знакомы, познакомились при нас. Кто-то этому мальчику дал Димин адрес, и он пришел. Из его слов можно было понять, что у него был сенсей, кореец, который учил его боевым искусствам и азам восточной философии, но что теперь он его перерос и ищет себе другого наставника, и вот ему посоветовали Диму. Как дзенского гуру, что ли. Парень был нагловатый и хотя пришел с просьбой, тон у него был довольно агрессивный, а болтал он без умолку. Тяжело было все это слушать. Дима изредка вставлял иррациональные реплики, потом вдруг перебил, воскликнув что-то вроде: «Айда! за мной, робяты!» – и выбежал на улицу. Мы с Андреем и этим парнишкой бросились за ним. Полчаса мы все куда-то неслись как угорелые, потом вслед за Димой влезли в какие-то развалины. На цыпочках, переговариваясь шепотом, прокрались в какое-то странное пространство с признаками жилища. Помню, что там были матрацы,

чайник, следы костра и почему-то живой петух. Это в центре Ленинграда. Дима там что-то искал. Клад, что ли, какой-то. И тут появилась куча мужиков бомжовского вида, очевидно здешних обитателей, они орали и приближались с явным намерением нам навалить. Мы опрометью рванули оттуда. Дима петлял, сбивая со следа и мужиков, и того парнишку, но нас с Андреем, затаившихся между какими-то ящиками, в какой-то момент выхватил за шкирку: «Чего сидите? Бежим!» – помог перелезть через забор, и мы, уже втроем, помчались обратно к нему домой, пить чай с вареньем. Незванный гость больше не появлялся. Там, в этом бомжатнике, по его растерянной физиономии с блуждающей улыбкой видно было, что он получил то, чего искал. Просветление.

Помню, как-то Лариса возмущалась еще одним гостем (действительно ужасно неприятным), застав его ночью за мастурбацией у них в кресле посреди комнаты. «Сидит в темноте, как паук, и дрожит», – сказала она. А Дима отнесся неожиданно снисходительно: «Ну подумаешь, человек устал, хотел отдохнуть...»

Вообще, когда в Диминой абсолютно алогичной речи изредка мелькало что-то понятное, это по контрасту производило впечатление. Однажды он что-то мне вручил ценное, что мне действительно было нужно или просто понравилось. Кажется, это была керосиновая зажигалка времен войны, уже тогда музейная вещь, найденная им, как обычно, на помойке, при этом вполне в рабочем состоянии. А я, заглядевшись, забыл поблагодарить (да и, может быть, мне казалось, что такой инопланетянин, как Дима, выше этих наших условностей). А он вдруг с грустью сказал: «Спасибо говорили в старину». Со временем эта фраза вошла у меня в поговорку для таких ситуаций. Или вот, помнится, зашла речь о человеке по прозвищу Колесо – Витя Колесников, который всегда пьяненький стоял у «Сайгона», со всеми общался и собирал еще на выпивку, – его знал весь Питер. И Дима восторженно выдал его точную характеристику, афористичную, как из житий святых: «С человеком – человек! Со львом – лев!» Еще мне почему-то запомнилась такая, совершенно ни к селу ни к городу сказанная Димой фраза: «А вот ежели посинеешь на морозе, как Кришна, – тогда что?»

Однажды мы с Андреем зашли к Диме, и он подарил нам странные, сделанные им штуковины изумительной красоты, каждому по одной. Такие арт-объекты, небольшие прозрачные пакеты, набитые всякой всячиной – тряпочками, разноцветными обломками стекла, засохлыми цветами... Это было составлено очень стильно и ни на что не похоже, и в этом был весь Дима, его парадоксальная эстетика. Но мы приехали налегке, без сумок, без рюкзаков, и когда пришли к Саше с этими штуками в руках, он с порога строго так посмотрел, спросил: «От Димы?» – мы кивнули, и Саша нас к себе не пустил. Сказал: «Избавьтесь от этого мусора, потом приходите». А податься нам некуда было. У Димы тогда невозможно было переночевать. Да и очень уж нам хотелось пообщаться и с Сашей тоже. Мы битый час бродили по улицам, предлагали эти объекты прохожим, но никто не хотел брать, мало ли что там. В конце концов мы просто положили их на перила в каком-то скверике: авось кто подберет. После чего вернулись к Саше, и он нас принял. Но этих штук мне до сих пор жалко.

Сам Саша тоже делал некий поп-арт – в основном из камней, но и из других разнообразных предметов, наклеивая всё это клеем «Момент» на куски плотного картона или оргалита и оформляя эти работы, с помощью того же «Момент», веревочными, из нетолстого каната, рамками. Однажды я купил у него такой объект – из половинки игрушечного пластмассового пистолета и тому подобной фигни. Купил, кажется, рублей за пять, для меня это была серьезная сумма. В 2017 году я демонстрировал его на одной выставке в Зверевском центре. К сожалению, объект после этого совсем развалился и нуждается в реставрации.

Дима постоянно куда-то несся кого-то спасать, самых разных людей – из каких-то самых «стремных» ситуаций. И действительно спасал, при всей своей хаотичности. А Саша писал: «Люди стали забывать, что нельзя других спасать...». Но, как я слышал, однажды сам Дима попал в большую беду, фактически в плен, в рабство к каким-то подонкам, на которых его магия почему-то не подействовала. Они издевались над ним, как над человеком второго сорта, и он, скорее

всего, там и погиб бы. Это было где-то на другом конце страны, любовь к путешествиям его туда занесла. Но, по счастью, приехала Лариса, бесстрашно вступила в переговоры с этими бандитами и каким-то чудом сумела Диму оттуда вытащить, сама его спасла.

В конце 80-х, когда стала появляться куча всевозможных партий и организаций, Саша вступил одновременно в Демократический союз и ЛДПР. Это было немисливо, ведь это были противоположные, противоборствующие партии, их лидеры и члены терпеть друг друга не могли. Он это прекрасно понимал и со смехом всем об этом рассказывал. Регулярно приезжал в Москву на съезды, собрания этих партий, и когда его там спрашивали, кого он, собственно, представляет, с самой серьезной миной отвечал: «Саша Попов, масонская ложа». Или даже: «Саша Попов, жидомасон». Мне от таких шуточек было, по правде говоря, немного не по себе. Пару раз он водил меня на митинги Демсоюза и однажды на их домашнее собрание. С участием Новодворской и Дебрянской. Было интересно, но все же такого рода деятельностью я не увлекся. Об этой стороне Сашиной жизни, наверно, мог бы подробнее рассказать Николай Храмов из ДС. Кажется, Саша с ним приятельствовал и у него в Москве останавливался.

В Питере Саша пару раз водил меня сниматься в кино. Однажды мы ходили на Ленфильм. Кажется, с Володей Кутеко. Там шла подготовка к съемке научно-фантастического фильма, и им нужны были инопланетяне. Я их, к моему огорчению, не заинтересовал. Володе, кажется, предложили еще заходить. А вот Саша заинтересовал чрезвычайно, и киношники целый час с ним беседовали и записывали на видеокамеру этот разговор. Как знать, вдруг он сохранился в ленфильмовских архивах. Хотя вряд ли, конечно. Во всяком случае, это ничем не кончилось. Не знаю даже, что за фильм, был ли он в конечном итоге снят, кто режиссер... В другой наш приезд, после этой неудачи на официальной студии, Саша водил нас, кажется, с Галкиным и Кутеко на съемку «параллельного кино» – у режиссера-«некрореалиста» Евгения Юфита. Снимались мы в массовке, толпой из десяти-пятнадцати человек, зимой, топтались на снегу в тулупах и ушанках. Нарочно просмотрел сейчас на ютубе все фильмы Юфита конца 80-х. Судя по картинке, это была съемка фильма «Весна» 1987 года, там значительная часть действия происходит на фоне снежного пейзажа, и тоже есть люди в ушанках. Но кадров с нами, увы, не нашел. Наверно, негодились¹.

А еще Саша мне рассказывал, что Лариса Шепитько хотела снять его в своем фильме «Восхождение» по Василию Быкову, в главной роли. В роли партизана, попавшего в фашистский плен и повешенного, потому что даже под пытками отказался сотрудничать. Но что-то, как всегда, не заладилось. Кажется, мосфильмовское начальство отказалось утверждать на такую серьезную роль непрофессионального актера. Так что в результате ее сыграл Борис Плотников. Теперь думаю, что как-то эта несыгранная роль трагично соотносится с Сашиной судьбой.

Кстати, Дима все-таки был чуть-чуть запечатлен на видео. «В Контакте» на странице Макса (Якубсона) можно найти кадры, где Дима на похоронах Кривулина стоит и тихонечко аплодирует. Стоит в толпе, аплодирует один, это очень в его духе. За год до своей собственной смерти.

Саша рассказывал, как у него вписывался Сольми, московский художник-хиппи, и что Сольми в разговоре в какой-то момент по какому-то поводу поклялся: «Век трассы не видать!», – а Саша сказал ему, что с такими клятвами надо поосторожнее, потому что сам он вот уже лет двадцать не ездил автостопом, как-то не складывается. Почему-то он водителей-дальнобойщиков неодобрительно называл рефаимами. Вообще это было одно из его любимых библейских словечек. Он часто повторял: «Никогда не оживут рефаимы»².

Про Высоцкого он говорил, что разочаровался в нем, когда увидел его в ленфильмовском буфете и оказалось, что Высоцкий «какой-то маленький», невысокого роста. Кажется, он воспри-

¹ Мельком Сашу Попова можно видеть на ютубе в фильме «Хиппи в СССР» на канале «Улица Любви», на 5:50-5:52 и еще раз буквально в следующую секунду, на 5:52-5:53 (в правом верхнем углу, затем ближе к центру). – Г. Л.

² Ср.: «Мертвые не оживут; рефаимы не встанут...» (Книга пророка Исаии. 26:14).

нял это как обман, несоответствие фамилии. А я с детства фанат Высоцкого, и мне странно было это слышать, тем более что Саша и сам был маленького роста.

Саша любил расшифровывать фамилии. Мне повезло, мою он расшифровал так: «Лукомников – это ЛУКОМ-НИ-КОВ. Лук – это оружие, лук со стрелами. Ковы – это оковы. А “ни” – отрицательная частица. Значит, ты луком делаешь “ни” ковам. То есть с оружием в руках освобождаешь всех от оков». После этого я даже изменил свою подпись и стал подписываться именно так, трехэтажно: большими буквами «НИ», прямо по ним вверху буквами помельче – «луком», внизу – «ков». А ведь мне было уже лет двадцать пять. Возможно, это как-то повлияло на мою судьбу.

Саша удивительно читал свои стихи: тихо, хотя внятно, и о-о-очень медленно, втрое медленнее, чем обычно читают, с огромными паузами: «Живу (пауза) один. (Долгая пауза, такая долгая, что кажется, он передумал читать дальше, – и вдруг все-таки продолжение.) А почему? (Пауза – и затем очень тихо, растянуто, лениво.) Да потому что лучше одному...»

Помимо его собственных коллажей, у него дома, на стенах, было несколько и чужих картин, видимо подаренных ему авторами. Отчетливо помню я только одну, очень выразительную «наивную» работу митьковского художника Ивана Сотникова, которая называлась «Красные ёлы – зеленые палы». Это был обычный черный противень от духовки, на котором масляной краской было накалякано несколько красных елок (очень условно, как дети рисуют, несколькими линиями), а между ними такие же кривоватые зеленые вертикальные черточки. Саша прятельствовал с этим замечательным художником, знакомил меня как-то с ним. Позже тот стал священником.

Кстати, Саша мне однажды, смеясь, рассказывал, что на каких-то посиделках в Союзе театральных деятелей Митя Шагин начертил у него на лбу слово «ДЫК» – и таким образом посвятил его в митьки. Правда, когда я через много лет познакомился с Митей и спросил об этом эпизоде, оказалось, что он не помнит.

Саша иногда цитировал экзотические тексты, ходившие в те времена в самиздате: Кастанеду (одно из его любимых выражений было оттуда: «точка сборки») и сочинения блаженного Иоанна (Вениамина Береславского). Последнего я однажды встретил у Саши в гостях. Мы пересеклись в дверях: я пришел, а тот уходил. Глава «Богородичного центра» посмотрел на меня печально и сказал: «Герман скорбями идет».

Кстати, когда мы познакомились с Сашей, я сам и несколько близких мне в те времена людей находились под сильным влиянием одного московского «гуру», оккультиста с крайне экстравагантным образом жизни, не буду называть здесь его имя. И вот, помню, мы показали Саше фотографию этого человека и спросили, что он о нем думает. Они не были знакомы, и мы Саше ничего о нем не рассказывали, он понятия не имел, кто это такой. Но, посмотрев на фото, он с легкой брезгливостью сказал: «Этот человек... журналист. Спортсмен. В нем еще слишком много мяса». И хотя человек на фото вовсе так не выглядел и занимался он не спортом, а йогой и чем-то вроде гипноза, да и журналистом, в буквальном смысле этого слова, он не был, с этих Сашиних слов наша очарованность этим «гуру» начала проходить.

Саша умел быть жестким, иногда даже жестоким. Он радушно принимал самых разных гостей, но всегда мог в какой-то момент сказать: «Аудиенция окончена».

Однажды ему показалось, что я хлопнул дверью его комнаты, и он меня выгнал. Сказал: «Уходи». Или даже: «Ну и вали отсюда». Дверью я не то чтобы хлопнул, но, может быть, в самом деле прикрыл ее немного резко. Нечаянно. Но по Сашиним меркам тишины и спокойствия это и было «хлопнул». Во всяком случае я действительно был чем-то раздражен, и он это почувствовал. Причем в квартире была большая хипповая компания, которую в основном я же и привел. А выгнал он меня одного. Податься мне тогда в Питере было некуда, я-то надеялся, как обычно, у него переночевать. На улице сильный дождь с ветром, я промок, продрог. Рыдал, что мой кумир так со мной обошелся. Звонил из автомата незнакомым людям в поисках вписки. Очень было грустно. Мало того, через пару месяцев в Москве, зайдя ко мне в гости, Саша как ни в чем ни бывало рас-

сказывал: «Ты знаешь, как только ты ушел тогда, стало так хорошо. Все так сразу расслабились. Так хорошо, как на Тайной вечери после ухода Иуды». Он говорил это с улыбкой, почти восторженно, будто бы предполагал, что я тоже обрадуюсь. Но я, конечно, ужасно обиделся. И долго не общался с ним после этого. Но я не мог сердиться на него бесконечно.

Однажды у кого-то в гостях, заглянув в туалет, он выразил неудовольствие тем, что, мол, унитаз неправильный: с вертикальным сливом. И, эпатажу хозяев, стал с веселым воодушевлением рассказывать, что он в последнее время «научился гадать по говну!» – как на кофейной гуще. По его конфигурации, по тому, как оно ляжет. А для этого нужно, чтобы у унитаза дно было горизонтальное. Подробностей этой его копромантической теории я не помню. Притом что один из сквозных мотивов его эссеистики – мотив поедания экскрементов законопослушными гражданами. Мотив, к которому он пришел независимо от В. Сорокина (роман «Норма») и В. Войновича (роман «Москва 2042»), хотя и немного позже. В жизни он, получается, нашел этой субстанции гораздо более интересное применение.

В 1991 году я собирал подписи под обращением общественности в суд с просьбой о помиловании Володи Кутеко, который пытался перейти литовско-польскую, тогда еще советско-польскую границу, но был схвачен нашими пограничниками. Помню, Саша подписал это обращение, но с каким-то личным уточнением, особым мнением в скобках, что-то его не устроило в моих формулировках. Надо будет найти, где-то в моем архиве сохранилась копия. Пока Володя сидел в предварительном заключении, случился августовский путч, Совок распался, и сразу после суда Володю отпустили, поскольку выходило, что он переходил границы других государств. Кстати, распад страны Саша предрекал. Шутил, утрируя: «Да здравствует государство Чукчия!»

Кажется, в последнюю нашу встречу, в 91-м или 92-м, у него дома, он, помимо уже привычных мне «Весов» и «Северных цветов», показал свое новейшее издание, тоже напечатанное в нескольких экземплярах. Это был листок машинописи, а назывался он – «Литературная газета!» Там говорилось, что официальная так называемая «Литературная газета», используя в своем логотипе рядом с профилем Пушкина профиль большевистского писателя Максима Горького, несомненно, позорит пушкинские традиции, следовательно, является ложной «Литературной газетой». А для восстановления пушкинских традиций пора возобновить выпуск истинной «Литературной газеты», чем он, Саша Попов, отныне и намерен заниматься. Не знаю, сколько номеров вышло, но вот один (кажется, самый первый) я видел своими глазами.

Помню, читал когда-то в каком-то театральном журнале статью Ежи Гротовского «Перформер» – и мне казалось, что это про Диму и про Сашу. Вот несколько цитат, наугуглил сейчас: «Перформер с большой буквы – это человек действия. Это не тот человек, который играет роль другого. Это танцор, жрец, воин: это человек, стоящий выше категорий искусства... Перформер – это образ жизни. Можно назвать его человеком знания... Перформер способен облекать импульсы своего тела в звук (жизнь, льющаяся сплошным потоком, должна быть артикулирована). Жизнь свидетелей ритуала становится более напряженной; они говорят, что чувствуют чье-то присутствие. Так Перформер выстраивает мост между свидетелем и чем-то еще. В этом смысле Перформер – это pontifex, делатель мостов... Перформер открывает свою сущность, когда та гармонично слита с его телом, затем он следует по своему пути...» Чей перевод – не знаю. Не исключено, что Сашиной жены: совсем недавно узнал, что она была специалисткой по Гротовскому. Такое же ощущение было, когда в середине 90-х читал первую книжку Александра Секацкого «Моги и их могущества», вышедшую как приложение к «Митинному журналу». Другими текстами этого автора совсем не увлекся, а эту прочитал взахлеб. Вряд ли он был знаком с нашими героями, не уверен даже, что он о них слышал, но это будто бы про них написано.

Одна из главных вещей, за которые я благодарен Саше, – это то, что он в каком-то смысле открыл мне моего собственного папу. Мой папа, Геннадий Ильич Лукомников, был поэтом и художником-аутсайдером. Он всю жизнь прожил в Баку, всю жизнь рисовал, писал стихи и прозу для себя, никогда не публиковался, не выставлялся, и вообще его практически никто не знал в

таком качестве, в культурном отношении он жил как на необитаемом острове. Он погиб в 38-летнем возрасте, когда я был подростком. Моя бабушка, папина мама, передала мне его творческое наследие – чемодан и пару сумок с кучей рукописей, рисунков, фотографий, всяческих поделок и тому подобного. Я хранил это, иногда показывал друзьям. Рисунки мне нравились, некоторые стихи тоже, и все-таки я с детства привык относиться к папиному творчеству как к нашему семейному альбому, не более. Не зря говорится, что «нет пророка в своем отечестве» и что «большое видится на расстояньи». Однажды, году в 87-м, когда Саша гостил у меня в Орехово, я достал с антресолей заветный папин чемодан и стал ему показывать. Саша пришел в восторг! Я никогда не видел его в таком воодушевлении по поводу чужих произведений искусства. Он сказал, что это все гениально, что это надо как-то обнародовать и что мой папа мог бы стать папой всех хиппи, папой «системы», как папа римский для католиков. Особо его порадовало, когда я упомянул, что у папы была 2-я группа инвалидности по шизофрении. У самого Саши был такой же диагноз. И у Димы, кстати, тоже. И Саша считал, что 2-я группа шизы – самая «крутая», потому что 3-я – слабовато, а 1-я – это чересчур... Увы, папино наследие так толком и не издано, это остается моей мечтой. Но всё же с тех пор прошло две его персональных выставки (одна из них – в Музее наивного искусства), его стихи печатались в антологиях, была публикация его рисунков в британском международном художественном журнале «Raw Vision», посвященном ар-брюту и аутсайдер-арту. А началось все это с того, что Саша раскрыл мне глаза на значимость папиных творений.

По правде говоря, меня смущал Сашин монархизм. В одну из наших последних встреч я пересказал ему прочитанное мною где-то о поэте-обэристе Александре Введенском, который тоже был монархистом, за что и пострадал от государственного террора. Так вот, по чьим-то воспоминаниям, Введенский говорил, что при наследственной передаче власти на троне иногда случайно может оказаться порядочный человек, а при выборной системе такое невозможно. Саша рассмеялся и согласился.

Однажды мы с Сашей шли по Арбату, и вдруг он остановился, заказав уличному художнику-шаржисту свой портрет. Художник за пару минут нарисовал его, кажется, пастельными мелками на бархатной бумаге, напоследок закрепив рисунок аэрозольным лаком для волос. Саша немедленно подарил этот портрет мне. Он хранится где-то в моем архиве, надо будет найти. Вообще все это было весьма неожиданно. Хотя это не очень дорого стоило, все же в нашем кругу подобные «буржуазные» замашки – это было не принято. Вечное безденежье, да и сами все друг друга рисовали, бесплатно, еще и получше. Шарж, на мой вкус, получился не особенно удачный. Но для Саши, как я понял, это было важно как символический жест. Уличных художников у нас тогда не так давно разрешили, это было одно из веяний перестройки, и он, видимо, воображал себя где-то на Монмартре...

Однажды я привел Сашу в гости к своей бабушке, папиной маме, Дине Самойловне Якоби. Это было в квартире моих родных, в Москве, на «Юго-Западной». Мы сидели втроем, пили чай, разговаривали. Трудно вообразить более разных людей, чем Саша и моя бабушка, но они отнеслись друг к другу с большим уважением. Притом что обычно бабушка настороженно относилась к моим странным друзьям. Диму бы она точно не вынесла! Да и Саша частенько с подозрением относился к родственникам своих друзей, ссылаясь на Евангелие («Один возьмется, другой оставится», «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери...» и т. п.). Помню, как он со значением, как некий тест, ставил своим гостям песню группы «Телевизор» «Твой папа фашист». Но между Сашей и бабушкой явно возникла симпатия. Он не стал шокировать ее своими парадоксами, и, кажется, она почувствовала в нем что-то старинное, чего давно не бывает, из времен ее дореволюционного детства. А он мне потом сказал про нее: «Мало кому удастся в течение жизни собрать на своем лице такой хороший, правильный, праведный узор морщин. Это надо заработать».

Однажды он при мне набросал на листе бумаги малиновым фломастером рисунок «Саша Попов не пускает лжемузу Тэханэ на Парнас» – и подарил мне. Этот листок у меня сохранился. Саша

